

С ан д ж а р Я н и ш е в

ФРОСТУ ФРОСТОВО

Есть поэты, вызывающие посмертную ревность... у переводчиков. «Он мой, не смейте его трогать!» Покусившийся на святое выглядит если не воришкой, то грубым искажителем. При этом искажен, с точки зрения ревнителя, не зеркальный (иноязычный) образ, а самый первоисточник.

Таким поэтом является Роберт Фрост, поэт, которого хочется присвоить. Или — скажем иначе: поэт, дающий переводчику силу. А дальше — всяк волен поступать с ней по-своему. Как с любой энергией, например, деньгами. Как с любовью.

Расскажу, что сделал я.

Мой карантин вышел деревенский, «натуральный». Для закоренелого горожанина продолжительный затвор в окружении лесов — сущее наказание (сужу по своему девятилетнему сыну, который все полгода природной «диеты» нудел, как три сестры, про Москву). Я же о мегаполисе вспоминал только ввиду двух-трех друзей, с которыми, впрочем, и прежде виделся не чаще раза в месяц — а то и в пять.

Планов было громадье. Ни в коем случае не сравниваю свое вынужденное заточение с «болдинским» — ни по личным обстоятельствам, ни по результату. Однако некоторый инсайт, сдвиг «точки сборки» произошел и со мной. Помимо программы выживания на подножном, буквально, корме, хотелось закончить начатую книгу стихов, начатую пьесу, хотелось написать некоторую прозу, хотелось... И тут случился Фрост.

Небольшое отступление. Художник всегда говорит о том, что его царапает. Или — скажем мягче — трогает, волнует. Не обязательно это находится рядом. Можно близко к сердцу поместить новость о том, как три горбатых кита заплыли в кишашую крокодилами австралийскую реку, двое сразу вернулись в океан, один остался (погуглите, я не вру!); можно написать об этом стихотворение или снять анимационный — песком по стеклу — фильм.

Роберт Ли Фрост говорил изнутри своего мира. Природа Новой Англии: влажный континентальный климат, горная гряда на севере, океан

на юге, лиственные леса, осени, крашенные пестрым, суровые ветреные зимы. Жизнь Фроста, особенно в первой ее половине, была исполнена тяжелого повседневного труда, когда питаешься исключительно тем, что сумел произвести сам, своими руками. И в этом смысле его мир не сильно похож на быт современных американских фермеров. Но он почти идеально совпал с тем, что я увидел в сегодняшней русской деревне. Что я вижу в ней с тех пор, как стал бывать в селе Рождествено, в Тверской области, где мы приобрели пять лет назад старый, почти столетней давности дом. Люди здесь не живут — выживают; скажем, сильным подспорьем в летние-осенние месяцы для них служит сбор и продажа лесных ягод, в зимние — разного рода «шабашка» и т.д. Они сильно зависят от урожая, «здесь что посеешь, только то и пожнешь».

— Где же и заниматься Фростом, как не тут? — сказал мне друг, когда ступил на песчаную рождественскую землю.

Я, как заправский фермер, вкапывал в это время очередной столб — укреплял забор, отделяющий участок от остального мира («good fences make good neighbours»). Однако услышав знакомый голос, немедленно и крепко воткнул лопату в маленькую фудзияму, чтобы обнять — вопреки рекомендациям о социальной дистанции — того, кого не видел несколько месяцев. Почти в соответствии с известным стихотворением Фроста A TIME TO TALK (в моем переводе — «Самое время»).

«Сюжет»¹ другого произведения я тоже здесь пережил: он совпал с моей реальностью дословно. (С той оговоркой, что герою стихотворения это снится.) Сперва произошла *история*, потом — как по заказу — из фростовского дремучего леса на меня посмотрело стихотворение A DREAM PANG; я перевел его в итоге как «Сладкую боль».

«Все повторилось... однако с легкими вариациями». Это уже не из Фроста, а из моей «Книги обращений». Там дальше так: «Кажущиеся [вначале] параллельными две прямые в конце пути друг друга уже не видят». Вот на этой фразе хочется задержаться. Утверждение не только верное, с точки зрения евклидовой геометрии, но очень личное. Будучи по рождению близнецом, одним из двух почти синхронно рожденных братьев, я много думал о природе повторения человека в Другом. Сначала облик. Потом характер. Следом судьба. Такое часто отмечают у отцов и детей.

Но вот рождается двойня. Сперва кажется, что даже отпечатки пальцев у них идентичные (хотя так не бывает). Дальше — два вари-

¹ «Сюжет» пишу в кавычках, ибо в лирических стихах это категория относительная.

анта развития событий, приводящие к *одному*. Есть пары, отношения в которых складываются по принципу взаимного дополнения. В иных случаях это борьба подобного с равным. Чем меньше отличий, тем больше конфликта, желания выломаться, расподобиться.

Прямые только кажутся параллельными. Мизерный угол, даже в одну миллионную градуса, имеет тенденцию к накапливанию. Это его главное свойство. Приметы складываются в «корзину» или в «облако». Поначалу крохи, потом — целые жизни. И вот уже нет в нас ничего общего, кроме воспоминаний. Которые, впрочем, тоже у каждого — свои.

Об этом я думал, читая в десятый или в сотый раз THE ROAD NOT TAKEN («...А дальше дорога развилку дала»). Стихотворение, в котором история о двух лесных тропках явилась мне метафорой с двумя прямыми. И финал «...and that has made all the difference», который я перевел «...а разница — набежала с годами», получился именно об этом: кажущиеся параллельными... в конце... друг друга не видят.

Вот так и получается, что, даже переводя стихи давно ушедшего поэта, мы говорим о своем. Изнутри своего мира, своего времени. Перевод — лучший способ прочесть стихотворение: со-бытие через присвоение.

* * *

«Любовь к Фросту должна быть свободной, иначе нельзя», — пишет мне подруга, американская славистка Наоми Каффи, счастливо обозвавшая мои фрустрации «парафростом». Наиболее «свободно» я поступил с самым известным стихотворением поэта — STOPPING BY WOODS ON A SNOWY EVENING. С ним у меня случилась, по слову Фроста, lover's quarrel — «любовная ссора».

Из переводов этой классической вещицы можно составить приличную антологию (кажется, она даже и замыслена). Я читал, по крайней мере, дюжину. Помню только, что ни в одном из них меня не устраивал финал, русский ответ на пресловутые две строки, словно в зеркале повторяющие друг друга, равные во всем: «And miles to go before I sleep, / And miles to go before I sleep». Однако же, как в случае с близнецами, только *кажущиеся* равными («...одна из них — частная и обыденная, а другая — надмирная и вселенская», — такими их слышал герой Набокова в романе «Бледный огонь»). В каких-то вариантах

мне не хватало естественности, в других — точности; иными словами, в своей оценке я сам выступал ревностным охранителем общего достоинства — фигурой, упомянутой в начале моего рассказа. Приступая к собственному переводу, я чаял отыскать заветную формулу, которая бы не отвлекала своей формой, но была предельно содержательна.

Я очень живо представлял себе этот чернотой дразнящий лес, по краю которого движется телега, замерзшее озеро, выстроенные ветром на ледяной глади снежные цепочки, сносимое в сторону дыхание лошади, теньканье сбруи, маленького большого человека в состоянии предельного одиночества... В стихотворении это темнейший вечер года («the darkest evening of the year»), вхождение в самую долгую ночь зимнего солнцестояния, после которой происходит обращение. Перед рассветом тьма сгущается — так, кажется, говорят? Край мира, край времени, граница жизни, предельное отчаяние, выход из которого возможен только в Чудо.

В моем мире — я это понял теперь, переводя «Stopping By Woods...», — подобный поворот неизменно связан с Рождеством. Отсюда и название — «Остановка у леса в конце года». Замер герой, замерла природа, остановилось время. Звезда не видна, она появится завтра, в канун Праздника, она будет настолько светлой, настолько яркой, что волхвы с их дарами не собьются, подобно трем горбатым китам, с пути, они придут вовремя. Пока же — как предвестие их появления — три дара из глубины чудесного зимнего леса. Три эпитета, словно бы золото, смирна и ладан, как раз знаменуют обетованный Поворот: «The woods are lovely, dark, and deep». Данный героем обет («...but I have promises to keep...») — его связь с Создателем, зыбкая, но, кажется, нерушимая.

В моем переложении два дара из трех («дар мрака» и «дар леса») — на виду, третий упрятан в финальном рефрене, он мерцает в слове «дорога» («дар ока») — как то, чего глазом не увидишь, но почувствуешь зорким сердцем, если будет позволено.

Жизнь — как дорога — не одна.

Жизнь, как дорога — не одна.

В первой из двух обретенных в финале строк — сравнение жизни с дорогой: путей у человека много, знай себе выбирай; вторая строка (и это подчеркнуто пунктуацией) — о том, что жизнью, как дорог, может быть несколько, вернее сказать: их число бесконечно. То, что мы

живем не в первый раз, так же верно, как то, что — не в последний. Ежегодная повторяемость Рождества — лучшее тому свидетельство. Поэтому случившееся с Фростом и его alter ego в конце декабря 1905 года повторится еще множество раз, как минимум столько, сколько будет читателей у этого стихотворения. Или: сколько будет у этого стихотворения поэтов.